

Additional references

- 1 *The Bible* (King James's version).
- 2 *The Little Buddha*, film directed by Bernardo Bertolucci (1993).
- 3 *Varlaam și Ioasaf*, Romanian popular novel, Wikipedia, online: http://ro.wikipedia.org/wiki/Varlaam_%C8%99i_Ioasaf [04.04.2013].

Н.Станчу

«Spiritual quests»: пәнаралық тұрғыдан зерттеу

Мақалада ғылымда аз зерттелген «квест» феномені қарастырылды. Мақала авторы «квест»-тің шығу тарихын зерттеп, оның қайнар көздерін ежелгі мифология мен халық мәдениетінен табады. Салыстырмалы әдісті қолдана отырып, серб, румын, болгар және ағылшын тілдерінің материалы негізінде «квест» сөзі қазіргі кезде семантикалық жағынан «ізденіс», «кедергі», «кедергілер мен қиындықтарды жеңу» сияқты ұғымдарды беретінін анықтайды. Сондай-ақ квесттің барлық мағыналарын діни мифтер, рухани іс-тәжірибе мен қазіргі психология арқылы көрсетті.

Н.Станчу

Междисциплинарный подход в изучении «Spiritual quests»

В статье рассмотрен малоизученный в науке феномен «квест». Автором исследованы истоки квеста и связь их в античной мифологии, народной культуре. Обращаясь к сравнительному анализу, автор на материале сербского, румынского, болгарского и английского языков показал, что современное слово «квест» семантически соотносится со словами «поиск», «препятствие», «преодоление препятствий, барьеров» и множество значений слова «квест» реализовано с использованием религиозных мифов, духовной практики и современной психологии.

УДК 82.0

Л.Матейко, Н.Цингерова

*Университет им. Я.А.Коменского, Братислава, Словакия (E-mail: matejko@fphil.uniba.sk)***Образ России в Словакии: стереотипы и современная политическая метафора в СМИ**

Статья посвящена образу России и русского в сознании словаков. Авторами рассмотрена динамика отношений к русским как на историческом, так и на современном языковом материале, представленном в средствах массовой информации. Сделан вывод о закономерных трансформациях образа русского (русский — брат, русский — враг) и связи их с историческими и политическими событиями XIX–XXI веков.

Ключевые слова: образ, образ России, словаки, русофильство, средства массовой информации.

Идея о России как надежном друге и оплоте славян возникает еще в поэме Яна Коллара «Дочь Славы», воспевавшего образ России как мощного дуба, а также в трактате Людовита Штура «Славянство и мир будущего»¹, в котором внушительно развивается образ могучего брата-защитника: хотя эти образы возникли в разное время, их объединяет общее убеждение, что Россия представляет надежный оплот славян во времена их национального угнетения.

¹ Работа, написанная на немецком, опубликована впервые в русском переводе в 1867 г., немецкое издание «Das Slawenthum und die Welt der Zukunft» вышло в 1931 г. В словацком переводе текст появился только в 1993 г. [ЭР]. Режим доступа: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/359/Stur_Slovanstvo-a-svet-buducnosti/1

Русофильство продолжало функционировать как составной элемент словацкого национального движения и во второй половине XIX в., но образ России приобретал все более сложные контуры. Если на современников Коллара произвела впечатление прежде всего победа России над Наполеоном, а на современников Штура, предположительно, — участие России в подавлении венгерской революции, то доминирующим событием второй половины XIX в., оказавшим в словацкой среде сильное влияние, было жестокое подавление восстания поляков в 1863–1864 гг. В это время уже в словацкой элите заметна яркая дифференциация мнений, причем все большую важность приобретали голоса, которые, не отрицая русофильства, высказывались критически на счет внешней и внутренней политики империи Романовых. Конечно, трудно себе представить, что в словацкой среде не оставила следов русофобская пропаганда властей, но история словацкого русофобства пока не написана и оценить ее отдельные аспекты в условиях политики мадьяризации конца XIX – начала XX вв. пока трудно. В целом можно сказать, что основы стереотипизации положительного образа России в словацкой среде были заложены именно во время формирования национальной идеологии. Этим фактом, наверное, объясняется и прочность русофильских настроений в словацкой среде, которая заключалась в несколько упрощенной схеме: *хороший словак = русофил*. Стоит отметить, что в более широких рамках Средней Европы можно искать аналогии в этом отношении только у чехов. Венгерское и польское представления о России, естественно, основывались на другом историческом опыте.

Турбуленции начала XX века, победа большевистского режима в России и совместная судьба стран Средней Европы после 1945 г. внесли в эту ситуацию принципиальную новинку — во всех странах соцлагеря можно отметить некоторое сближение стереотипизированного образа России. В словацкой и чешской среде официальная пропаганда, полагаясь на русофильские традиции, пыталась связать образ «братского русского народа» с образом «образцового режима», другими словами, она стремилась распространять положительное настроение при помощи простой схемы: *русский = брат и русский = большевик*, т.е. *большевик = брат*. Естественно, эта схема породила новый стереотип, который получил в свое время широкое распространение в странах Средней Европы и суть которого заключалась в аналогичной цепочке суждений: *русский = большевик и большевик = враг*, т.е. *русский = враг*. Конечно, в повседневной жизни эти схемы могли иметь разные формы, и мера отрицания или восхищения по отношению к русским могла варьировать. Например, вследствие социальной и религиозной консервативности словацкого общества межвоенного времени довольно распространенным был концепт, который убеждал, что нельзя отождествлять русский народ с режимом, правящим в СССР, так что в нем совмещались резко отрицательное отношение к атеистическому коммунистическому режиму с традициями русофильства. В таком же духе велась и словацкая пропаганда во время Второй мировой войны, когда словацкие солдаты шагали на восточный фронт (ее основным лозунгом была борьба против большевиков, а не против русских). Такую же позицию усвоили после инвазии войск Варшавского договора в 1968 г. те словацкие русофилы, которые хотели остаться русофилами.²

После 1989 г. традиционные элементы стереотипизированного образа России оказались в новой обстановке, но тем не менее они так или иначе присутствуют в современной словацкой политической метафоре. Притом не нуждается в особых доказательствах тезис, что медиальная коммуникация не только рефлектирует существующие стереотипы, но и является важным фактором, потенциально формирующим их дальнейшую судьбу.³

² Если искать более современные примеры, то можно отметить, что похожую позицию занимает сегодня бывший диссидент и основоположник христианской демократии в Словакии, не скрывающий своего русофильства Я. Чарногурски. Здесь стоит отметить и слова президента Чешской Республики В. Клауса, который недавно заявил, что он строго различает СССР и нынешнюю Россию и СССР и русский народ: *Velmi striktně rozlišuji Sovětský svaz a dnešní Rusko a ještě více SSSR a ruský národ. Pro mne i Rusové byli obětí hrůzného komunistického totalitního režimu a já vůči nim žádnou zášť necítím*. Ср.: http://zpravy.idnes.cz/klaus-rusko-neni-sssr-nebezpeci-z-jeho-strany-necitim-pfo-/domaci.asp?c=A080821_112815_domaci_ad

³ В дискурс-анализе метафора занимает важное место, так как она является одним из самых продуктивных источников, которые обладают способностью сингализировать изменения общественной парадигмы. Ср. Saddock Jerrold M., The semantics of metaphor, In: *Metaphor and thought*, Andrew Ortony, Cambridge University Press, 1993, с. 44. Метафора рассматривается прежде всего как феномен социальный. В центре внимания вопрос: которые метафоры в определенном дискурсе повторяются. Немецкий лингвист Ян Хелмиг называет метафору микродискурсом, так как она подобно дискурсу позволяет только определенные формы познания и правды. Ср. Helmig J., *Metaphern in geopolitischen Diskursen*, Bielefeld, 2008, с. 79; Ср. также Masaryk M.: *Exergy and V entropy – useful efficiency parameters*, Conference proceedings Heat engines and environmental protection 2013, June 5-7 2013, Balatonfured, Hungary, ISBN Budapest university of Technology and Economy BME, ISBN 978-963-313-091-9

Ярким примером является судьба концепта семьи и семейных отношений в конструировании образа России, в частности, использование понятия «брат». Когда-то чрезвычайно продуктивный путь образования метафор остается в настоящее время почти в забвении и приобретает негативную коннотацию. Основным толчком была, вероятно, оккупация Чехословакии войсками стран Варшавского договора в 1968 г., которая официальной пропагандой подавалась как «братская помощь», но в широких массах населения обозначалась — вопреки участию армий нескольких стран — как «вторжение русских». В результате переосмысления выступает концепт «братских отношений» и «братания» в сегодняшней политической метафоре в иронических намеках, как показывает следующий пример из статьи в ежедневнике СМЕ: *17-ого октября этого года Владимир Мечъяр подписал в Москве Межправительственный договор о сотрудничестве в области гражданской обороны с Российской Федерацией. Значит, нам нечего бояться. В случае ядерной катастрофы, землетрясения, наводнения или же пожаров (может быть, даже в случае сильного снегопада) — наши русские братья придут нам на помощь. Ведь они нам самые близкие, не так ли?* [2]. Примечательно, что такой же иронический намек на братание можно найти и в названии статьи, в которой отмечается, что Венгрия, наряду со Словакией, часто упоминается как троянский конь Европы: *Венгерские лидеры братаются с Кремлем* [3].

Как отмечалось выше, компонентом, без которого трудно себе представить стереотипизированный образ России и русских, является конструкт *русский = большевик*. В этом отношении особый интерес в материале прессы представляют статьи, посвященные теме празднования большевистской революции в России.⁴ Такие статьи, зачастую вместе с фотографиями, регулярно появлялись на титульных страницах словацких газет примерно в течение 10 лет после падения СССР, но потом их статус резко понизился, и они заняли место среди других сообщений из-за рубежа. В общем можно сказать, что они относительно гибко отражали изменения в восприятии важнейшего праздника советской эры в самой России, от символа крушения диктатуры до символа постсоветской ностальгии. Однако среднему словацкому читателю вряд ли был известен тот контекст, в котором формировались и менялись оценки этого символа в России, поэтому естественно предполагать, что даже одна и та же самая информация могла восприниматься словацким и российским читателем по-разному. Тут не обязательно речь должна идти о заведомой манипуляции, вполне возможно влияние совершенно естественных и даже случайных факторов, но важен сам результат: на основании одной и той же информации, например, о социологическом исследовании по вопросу об отношении жителей Москвы к празднованию годовщины большевистской революции, могут возникнуть разные образы России. И поскольку связь таких текстов с коммунистическим прошлым очевидна и прямолинейна, нет сомнений, что у них большой потенциал поддержать (или, наоборот подвергать эрозии) в сознании читателя витальность стереотипа *русский — большевик*. Ясно также, что в такой деликатной ситуации играют важную роль и мельчайшие детали формулировки, не говоря уже о подборе фактов или фотографий. Поэтому если в статье прямо написано, что жители России настолько привыкли к манифестациям с портретами Ленина, что их просто в такой день невозможно удержать дома [4], то совершенно явна тенденция поддержать указанный стереотип жизни. В обратном случае статья могла бы, например, сообщить читателю о сути и размерах постсоветской ностальгии или о постсоветском кризисе идентичности в России и судьбе символов «советской славы».

Интересным сегментом стереотипизированного образа России являются понятия, связанные с русским самодержавием. О постсоветской России судят, опираясь на ее историю: она взята в плен своим средневековым прошлым, не способна двигаться вперед, в направлении демократии, ее президент тот же самый полновластный хозяин, самодержец, которого народ встречает с всепоглощающей любовью. Так, президент Ельцин *властвует* [5], *передает свой скипетр престолонаследнику* [6], которого *предопределил* и после того *венчал на царство* [7]. Уходящий обладатель короны становится *английской королевой* [6]. В статье, анализирующей отставку Бориса

⁴ По теории Фиске (Fiske J., Hartley J.: Reading Television, London, 1978, с. 50 и сл.) доменей метафоры является вертикаль (чужое и новое представляется при помощи хорошо известной исходной области) и выбор темы вписывается в горизонталь, которая соответствует метонимии. Уже сам факт, что наш взгляд обращается только на определенный аспект может способствовать манипуляции. Вертикаль является доменей метафоры: чужое и новое представляются при помощи хорошо известной исходной области.

Ельцина, соратники президента представляют двор, из лоббистских групп становятся княжеские роды (автор предпочитает форму «čubajski» и не, как бы ожидалось, «čubajsovci»), из республик — удельные княжества. *Путина граждане пока не избирали на президентских выборах, право «участия в выборах» пока только за несколькими первыми гражданами государства — Ельциным и его ближайшим двором... Путин всегда являлся исполнительным служителем, никогда не являлся государственным деятелем... Его Императорское Высочество Первый русский и демократический... Первые вице-премьеры Христенко (чубайские) и Аксененко (березовские) представляют интересы обеих групп и крепко держат вожжи власти в руках... Россия стала федерацией удельных княжеств [7].*

Царь Борис [8], который в период до 2000-го года представляется еще как безжалостный автократ (палач), который *регулярно отсекает головы своих придворных* [9], становится после прихода Владимира Путина правителем, более вписанным в характер фольклорного персонажа. *Он великан, который запишется в историю золотым шрифтом. В своих лучших моментах он был бесстрашным человеком с большим сердцем, в худших — человеком, болезненно жаждавшим власти* [5]. После смерти Ельцин превращается в трагического героя: *Мы не должны обсуждать последние годы властвования т.н. семьи, когда Ельцин стал походить скорее на персонажи печальных диктаторов романов Маркеса* [5]. Но он все-таки остается некто, к кому мы относимся с симпатией, с кем мы в близких отношениях, кого позволено называть по отчеству *Борис Николаевич* [10].

Царь Путин [11] представляется как воевода, решительно настроенный повернуть судьбу чеченского вопроса. Это самая продуктивная характеристика Путина в период до его вступления на пост президента. Форма иногда напоминает стиль монументального историзма: Путин представляется в статьях в качестве представителя определенной ступени в лестнице феодальных отношений. Раз он царь, значит, подчеркиваются именно поступки, которые имеют значение с этой точки зрения. Перед глазами предстает не только сильный автократ, но и помазанник божий, владыка в духе византийских традиций: *Владимир Путин утолил голод русских по сильному и настоящему лидеру. Таинственный взор разведчика, жесткие, порой и жестокие слова и способность хитро манипулировать огромным молохом российского государства производит впечатление на граждан, на простого русского человека... полон решительности... новый русский спаситель, которому идет форма...* [12]. Деятельность Путина на посту президента освещается как успешный военный поход монарха. *Он завладел отечественной политической сценой, стабилизировал страну и на международной арене вернул России давно забытую славу* [13].

Метафора с исходной понятийной сферой *монархия* подчеркивает образ России, который прочно связан с прошлым, и, таким образом, наводит на мысль, что здесь, наверное, не надо искать что-то «самое современное». Акцентирование России, застрявшей где-то в средневековье, очевидно из заголовка комментария, который анализирует результаты президентских выборов в 2004 году. Он гласит: *Владимир II — свободнорукий* [14].

Царевич Дмитрий на царя не тянет. Он с трудом выходит из тени своего предшественника. В зеркале метафоры главным в правящем тандеме остается Путин: *Он предложил народу царевича из собственного инкубатора. Есть только одна загвоздка. Когда Медведев примет скипетр, функционирование тандема президент — премьер-министр и таким образом и стабильность страны будет зависеть от сохранения или же нарушения доверия между ними. В России, где все привыкли повиноваться одному государю, короткие периоды двоевластия обычно заканчивались или переворотом, или расстрелом парламента. Хотелось бы, как полагается, закричать: Да здравствует царь! Царь не умер (15).*

Если Россия — монархия, то граждане — это подданные царя. В статьях они представляются как безвольная масса, идущая туда, куда покажут. Это общество, *в генах которого издавна закодирован скорее государственный патернализм, чем свободный выбор ответственного и независимого индивида (5)*. При освещении президентских выборов предпочтение отдавалось суждениям типа: *Русские голосовали за Путина, даже не зная почему именно (16), большинство русских восхищается Путиным, поскольку он способен передать народу чувство, что правит страной по-настоящему (17)*. Образ непостижимого склада ума русского народа создается и при помощи рассуждений *над трудно описываемыми нюансами русской души (5), над ее состоянием (12)*. Русские представляются в виде управляемого стада, которое жаждет вождя. *Должно быть, это самая деликатная предвыборная кампания со времен СССР — по стечению обстоятельств она прекрасно сочетается с душой русского избирателя (18).*

Итак, в стереотипизированном образе России наблюдаются за последние две десятилетия некоторые изменения, хотя его основные компоненты продолжают функционировать в рамках сложившихся еще до 1989 года схем.

Список литературы

- 1 Kollar Y. Дочь Славы // [ЭП]. Режим доступа: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/142/Kollar_Slavy-dcera/1
- 2 SME. Ruský brat nám príde na pomoc, 10.11.1995
- 3 SME. Maďarskí lidri sa bratajú s Kremľom, 2.12.2010
- 4 SME. Na revolúciu sa stále v Moskve pochoduje, 8.11.2009.
- 5 SME. Kto bol a čo urobil?, 3.1.2000.
- 6 SME V. Kremli budú teraz pracovať dvaja prezidenti — minulý a súčasný, 5.1.2000
- 7 Domino fórum, Limity regenta Vladimira, 2000/2
- 8 SME. Vojnu v Čečensku zatičila vojna v Moskve, 22.8.1996
- 9 SME. Rusko v moci «G 7»? , 21.4.1998.
- 10 Pravda. Boris Nikolajevič, 25.4.2007.
- 11 Nové Slovo. kVapKa ViTriOlu, 36/2007, Pozor — ešte stále pestrofarebná!, 49/2007.
- 12 SME. Novému ruskému spasiteľovi pristane uniforma, 3.1.2000.
- 13 Hospodárske noviny, Ľudia majú jasno: Putin je celé Rusko, 27.2.2008.
- 14 Pravda. Vladimir II. — voľnoruký, 15.3.2004.
- 15 Pravda. Dvojhavé Rusko, 3.3.2008.
- 16 SME. Rusi volili Putina, aj keď sami nevedia prečo, 27.3. 2000.
- 17 Pravda. Putin má novú hračku, 2.3.2004.
- 18 SME V. Putin vyhrá prezidentské voľby i bez predvolebnej kampane, 17.3.2000.

Л.Матейко, Н.Цингерова

Словакиядағы Ресей бейнесі: таптауырын және БАҚ-тағы қазіргі саяси метафора

Мақала словак санасындағы Ресей бейнесі және орыстарға арналған. Авторлар БАҚ-тағы қазіргі және тарихи тілдік материалда орыстарға деген көзқарасты қарастырған. Нәтижесінде мақала авторлары орыс бейнесі өзгеріске ұшырауы (орыс — аға, орыс — жау) заңды және ол XIX–XXI ғғ. тарихи және саяси оқиғалармен байланысты деген қорытынды жасаған.

L.Mateiko, N.Tsingerova

Image of Russia in Slovakia: stereotypes and modern political metaphor in mass media

The article is devoted to the image of Russia and Russian in the consciousness of the Slovaks. The authors consider the dynamics of the relationship to Russian on historical and modern linguistic material presented in the media. In the end, the authors come to the conclusion that the natural transformation of the image of the Russian (Russian — brother, Russian — enemy), and associates them with the historical and political events of XIX–XXI centuries.